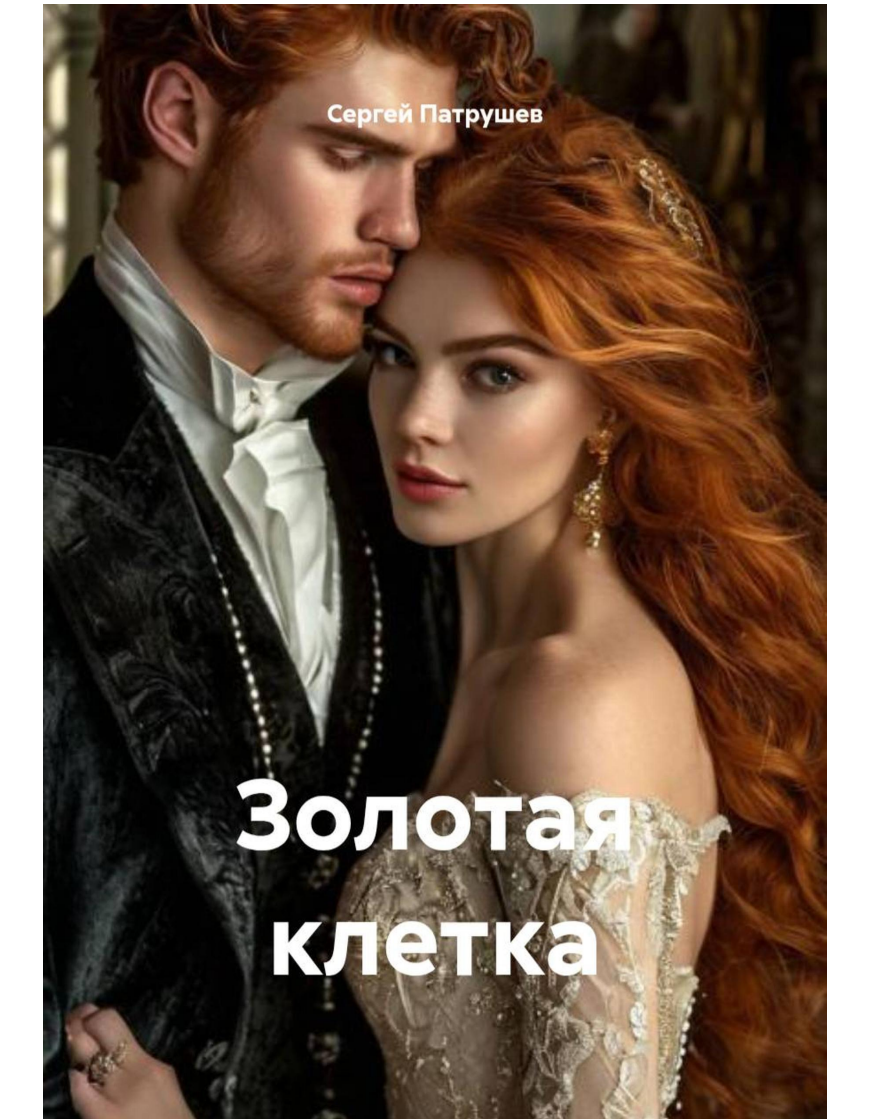


A romantic portrait of a man and a woman in historical attire. The man, on the left, has reddish-brown hair and a beard, wearing a dark, patterned jacket over a white shirt with a ruffled collar and a long pearl necklace. He is looking down at the woman. The woman, on the right, has long, wavy red hair and is wearing a light-colored, lace-trimmed dress. She is looking directly at the camera with a soft expression. The background is dark and out of focus, suggesting an indoor setting with architectural details.

Сергей Патрушев

Золотая клетка

Сергей Патрушев

Золотая клетка

<https://litres.ru/73786412>

SelfPub; 2026

Аннотация

Анастасия Воронова. Рыжеволосая красавица, проданная в восемнадцать лет за долги семьи сорокалетнему купцу. Брак по расчету, особняк на Английской набережной, бриллианты и шелк и полное одиночество в золотой клетке. Казалось, ее жизнь кончена, а впереди только холод и пустота.

Пройдя через ненависть, зависимость, отчаяние и зависть тысяч женщин, Анастасия обнаруживает в себе невероятный дар. Дар, который меняет не только цвет ее волос и глаз, но и саму реальность вокруг. Ее поцелуй возвращает мужу молодость, ее советы спасают распадающиеся браки, ее предсказания сбываются с пугающей точностью. А те, кто годами желал ей зла, начинают получать свое собственное отражение в кривом зеркале кармы. От светских салонов Петербурга до модных домов Парижа, от нищеты до богатства, превосходящего состояние мужа, история женщины, которая превратила свое проклятие в благословение.

Содержание

Глава первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Золотая клетка

Глава первая

Утро моего восемнадцатилетия пахло не свежей выпечкой и сиренью, как я мечтала в детстве, а сыростью осеннего дождя и нафталином, которым был пропитан мой подвенечный наряд. Платье висело на спинке стула, тяжелое, расширенное речным жемчугом, который при тусклом свете октябрьского неба казался не белым, а серым, словно его выловили не со дна морского, а из лужи под окном. Я сидела перед зеркалом в одной сорочке и смотрела на свои огненно-рыжие волосы, рассыпанные по плечам. Люди часто говорили, что этот цвет — благословение, что он делает меня похожей на осеннюю богиню или на лисицу, замершую перед прыжком. Сегодня же мне казалось, что это клеймо. Слишком яркое пятно на фоне предстоящей серой жизни.

Я не любила его. В этом не было ни капли сомнения, ни тени девичьей загадки. Антон Павлович Воронов был старше меня ровно на двадцать два года. Он был сух, высок и пах хорошим табаком и дорогим одеколоном, который должен был, по замыслу парфюмеров, придавать мужественности, но мне лишь напоминал о спертom воздухе кабинета мо-

его покойного отца. Он не был уродлив, вовсе нет. В его сорок лет он сохранил военную выправку, седина только начинала серебрить виски, придавая ему солидный, даже благородный вид. Но глаза... В его глазах цвета мутного янтаря не было ни страсти, ни тепла. Там был только холодный, трезвый расчет. Сейчас этот расчет был направлен на меня, и от этого по коже бежали мурашки, хотя в комнате было жарко натоплено.

За стеной суетилась мать. Её голос, обычно тихий и забитый, сегодня звучал почти истерично-радостно. Она отдавала последние распоряжения кухарке и поминутно заглядывала в мою комнату, чтобы удостовериться, что я не сбежала через окно. Глупости. Бежать мне было некуда. Наш старый дом, доставшийся от деда, уже два года как принадлежал не нам, а банку, а точнее, самому Воронову, который великодушно выкупил наши долги, чтобы через месяц стать полноправным хозяином и этих стен, и моей жизни. Он поступил как купец на ярмарке: увидел красивую, пусть и нищую, вещь, оценил её породу, цвет волос, тонкую талию — и купил, не торгуясь. Я была не женой, я была инвестицией. Ему нужна была молодая кровь для продолжения рода, живое украшение для его нового особняка на Английской набережной и, конечно, повод утереть нос конкурентам, чьи жены уже давно растеряли юный румянец за карточными столами и родами.

Помню день, когда он сделал предложение. Это было не на коленях и не с цветами. Он просто пришел к нам в гостиную, сел в кресло моего отца, которое с его смерти пустовало, словно трон, и, глядя не на меня, а куда-то поверх моей головы на пыльный пейзаж, сказал:

— Анастасия, вы умны для своих лет и, безусловно, красивы. Ваше положение оставляет желать лучшего. Я предлагаю вам сделку. Вы станете госпожой Вороновой, у вас будут лучшие портные, выезд, собственные покои и содержание, о котором ваша матушка и мечтать не смела. Взамен я жду от вас наследника, соблюдения приличий в обществе и спокойствия в доме. Любовь — удел поэтов и прачек, нам с вами она ни к чему. Достаточно уважения и выполнения долга.

Он говорил сухо, чеканя каждое слово, как монету. Мать, сидевшая в углу с шитьем, замерла, вонзив иголку в палец, и даже не заметила крови. В её глазах читался ужас пополам с надеждой. Она боялась, что я, глупая и гордая, откажусь, и нас выставят на улицу с нашими фамильными сервизами и пустыми шкатулками. Но я не отказалась. Я посмотрела в его холодные янтарные глаза и спросила лишь одно:

— Я смогу навещать мать?

— Разумеется, — он чуть улыбнулся, и улыбка эта скользнула по его губам, как змея по камню. — Я не тюремщик. Но вы будете носить мою фамилию, а это накладывает определенные обязательства.

Вот так, за пять минут, в гостиной с пыльными шторами, решила моя судьба. Рыжая красотка, на которую засматривались молодые офицеры в городском саду, становилась собственностью сорокалетнего вдовца.

Теперь, глядя в зеркало, я пыталась найти в своем отражении ту самую Настю, которая еще прошлым летом смеялась, запрокидывая голову к солнцу, и ловила ртом черешню. От той девушки остались только эти волосы, непокорные, выющиеся в кольца, несмотря на все усилия горничной пригладить их щипцами. Сегодня они были уложены в высокую прическу, открывая длинную, беззащитную шею. Кожа у меня была белая, фарфоровая, как молоко, чуть тронутая веснушками на переносице — еще одно доказательство моей «рыжей» породы, которое я тщетно пыталась вывести соком петрушки. Воронов, когда впервые увидел меня без шляпки, задержал взгляд на этих веснушках и странно дернул уголком рта. То ли умилился, то ли приценивался к изъяну.

— Настенька, пора, — голос матери прозвучал у самого уха, заставив меня вздрогнуть.

Она вошла, держа в руках фату. Тонкая, почти прозрачная ткань, старинная, бабушкина. Она пахла лавандой и временем. Мать накинула её мне на голову, и я перестала видеть мир четко. Он подернулся дымкой, словно я уже стала призраком своей прежней жизни.

— Ты такая красивая, — прошептала мать, и в её голосе послышались слезы. Я знала, она плачет не от счастья за меня, а от облегчения за себя. Она больше не будет дрожать над каждой потраченной копеей. И я не могла её винить. Она была слабой женщиной, раздавленной нищетой. Но от этого мое одиночество становилось только острее. Меня продавали с аукциона, а самый близкий человек был рад покупателю.

Карета была обита черным шелком, что показалось мне дурным предзнаменованием. Венчание назначили в маленькой церкви на окраине. Воронов не хотел пышной церемонии. «Скромно и достойно», — так он выразился. Мне было все равно. Пышное платье, толпа гостей — что это меняет, если внутри тебя звенящая пустота? Дождь все моросил, барабаны по крыше экипажа. Город за мутным стеклом выглядел размытым, словно его рисовали акварелью на промокашке. Прохожие кутались в шинели и зонты, спеша по своим делам, и никто из них не знал, что мимо проезжает девушка, которая прощается с волей.

В церкви было холодно, несмотря на зажженные свечи. Пахло воском, ладаном и мокрой шерстью от моего плаща. Воронов уже ждал у алтаря. Он стоял прямо, как свеча, в черном сюртуке, с безукоризненно белым воротничком. Увидев меня, он коротко кивнул, оценивая мой наряд, словно принимал товар по описи. Фата скрывала мое лицо, и я была благодарна этой дымке за возможность не встречаться с ним взглядом. Священник, старый и подслеповатый, монотонно бубнил молитвы. Слова скользили мимо моего сознания, не оставляя следа. «Венчается раб Божий Антоний рабе Божией Анастасии...» В этот момент я почувствовала, как Воронов взял мою ледяную руку в свою. Его ладонь была горячей и неожиданно мягкой, без мозолей, ладонь человека, который никогда не держал ничего тяжелее бильярдного кия или бокала с шампанским. Он сжал мои пальцы не сильно, но властно, давая понять, что теперь я в его власти. Я не сжала их в ответ. Моя рука осталась безвольной, восковой.

Когда он поднес к моим губам тяжелую, пахнущую металлом чашу с вином, я сделала глоток, и вино показалось мне кислым, как уксус. Обмен кольцами прошел быстро. Его кольцо было массивным, старинным, с фамильным гербом, и сразу повисло на моем тонком пальце, холодя кожу. Мое же простое обручальное колечко он надел ловко и равнодушно. Свершилось. Я стала женой.

Домой мы возвращались молча. Только теперь он сидел не напротив, а рядом, и его плечо касалось моего. Я вжималась в угол кареты, стараясь занимать как можно меньше места. Мне казалось, что воздух вокруг него сгущается, становится тяжелым и душным, пропитанным запахом его одеколона и какой-то звериной, с трудом сдерживаемой силой. Он молчал, глядя в окно на мокрые фонари, и я была рада этому молчанию. Я боялась того, что он скажет, когда мы останемся наедине в его особняке. Мои познания о супружеской жизни были столь же туманны, сколь и пугающи. Мать мне ничего не объяснила, отделившись фразой: «Будь покорной мужу, Настя, и все образуется».

Особняк Воронова на набережной был похож на своего хозяина: красивый, холодный и неприступный. Огромные окна слепо глядели на свинцовую Неву. Внутри было тепло, даже жарко, но меня бил озноб. Слуги встретили нас в вестибюле, выстроившись в линию, словно солдаты на плацу. Дворецкий, пожилой мужчина с бакенбардами, склонился в поклоне:

— Поздравляем, барин, барыня.

«Барыня». Это слово кольнуло меня в самое сердце. Я — барыня в этом каменном мешке, полном старинной мебели,

тяжелых портьер и молчаливых слуг. Воронов жестом отпустил прислугу и, не оборачиваясь, бросил мне:

— Идите за мной, Анастасия. Я покажу ваши комнаты.

Мы поднялись по широкой лестнице, устланной ковром, поглощавшим звук шагов. На втором этаже он распахнул передо мной двустворчатую дверь. Это был будуар. Обои цвета спелой вишни, огромная кровать под балдахином из тяжелого лионского шелка, туалетный столик, уставленный серебряными флаконами и щетками. В углу, отражая пламя свечей, стояло высокое трюмо в золоченой раме. Всё кричало о богатстве, о той самой «богатой жизни», которую он мне обещал.

— Надеюсь, вам понравится, — произнес он, стоя в дверях. — Это ваше личное пространство. Сюда никто не войдет без вашего позволения... кроме меня, разумеется.

Я стояла посреди этой роскоши, словно муха, попавшая в банку с медом. Красиво, сладко, но не вздохнуть.

— Благодарю, — мой голос прозвучал глухо. — Здесь очень красиво.

Он подошел ближе. Я застыла, вцепившись пальцами в

подол свадебного платья. Он протянул руку и коснулся моих волос. Не ласково, а скорее изучающе. Пропустил тяжелую рыжую прядь сквозь пальцы, рассматривая её на свет.

— Говорят, рыжие ведьмы — самые сильные, — усмехнулся он. — Говорят, они приносят либо великое счастье, либо великие беды. Посмотрим, кем окажетесь вы, Анастасия.

Я вскинула на него глаза. В полумраке будуара его лицо казалось вырезанным из старого дерева — резкие морщины у рта, тяжелые веки. Мне захотелось закричать, оттолкнуть его, выбежать вон, под этот осенний дождь, босиком, куда глаза глядят. Но я вспомнила лицо матери, её дрожащие руки. Я вспомнила пустые комнаты старого дома. Я осталась стоять на месте.

Он убрал руку с моих волос и отошел к окну. Широкая спина в черном сюртуке заслонила вид на Неву.

— Ужин подадут через час. Я прошу вас переодеться. Что-нибудь более подобающее замужней даме. Ваша горничная получила указания.

С этими словами он вышел, плотно притворив за собой дверь. Я осталась одна в плену вишневых стен и шелковых

подушек. Я подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. Дождь все лил, размывая огни фонарей на набережной в длинные, дрожащие полосы. Где-то там, за этой водяной завесой, осталась моя жизнь. Жизнь, где я была просто Настей, рыжей хохотушкой с веснушками, которая верила, что когда-нибудь встретит человека с теплыми глазами и смешливыми морщинками у губ. Человека, который полюбит её не за фамилию и не за цвет волос, а за то, как она смеется и как молчит.

Теперь я была госпожой Вороновой. Богатой, молодой и бесконечно несчастной. Я смотрела на свое отражение в темном стекле. Рыжие волосы нимбом обрамляли бледное лицо, в глазах стояли невыплаканные слезы. В этом особняке, среди антикварной мебели и звенящей тишины, я чувствовала себя не женой, не хозяйкой, а самой дорогой и самой бесправной вещью в коллекции Воронова. И первая ночь моего замужества только приближалась, суля не любовь, а лишь холодный расчет человека, купившего меня, словно породистую кобылу на ярмарке. За окном шумел ветер с Невы, и мне казалось, что это сама осень плачет вместе со мной, оплакивая мою утраченную волю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.